

ЗАЕЦ Ирина Владимировна,
студентка магистерской программы
«Философская антропология и психоанализ»
кафедры философской антропологии
Факультета філософського образования и науки
НПУ имени М.П. Драгоманова

МЕТААНТРОПОЛОГИЯ НАРЦИССИЗМА СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Все больше исследователей называют современную эпоху «эрой нарциссизма» [1, с. 404] или «временем нарцисса» [3, с. 68]. Возросший поток клиентов с нарциссической структурой личности уже привлек внимание современных философов и психологов. Неоднозначность термина, в связи с различной его трактовкой в разных парадигмах, вскрывает нарастающий интерес к сущности и проявлениям этого феномена и подчеркивает междисциплинарный характер проблемы.

Бытие нарциссической личности представляет особенный интерес в свете метаантропологического подхода, предлагающего рассматривать бытие человека сквозь призму экзистенциальных измерений обыденности, предельности и запредельности человеческого существования. Связано это с тем, что этот подход претендует на создание способа исцеления от нарциссизма через актуализацию личностного начала и выхода в запредельное бытие. А так же с тем, что феномен нарциссизма точно можно описать в терминах метаантропологии, сохранив при этом его первоначальный смысл – патологическую самовлюбленность.

Целью статьи является осмысление феномена нарциссизма современного человека в трех экзистенциальных измерениях человеческого бытия.

В изучении феномена нарциссизма мы опирались на труды представителей психоаналитической традиции: К. Абрахама, И. Задгера, О. Кернберга, Х. Кохута, З. Фрейда, Э. Фромма др. В историко-философском контексте изучались взгляды как представителей предыдущих эпох – А. Августина, Аристотеля, Ф. де Ларошфуко, Феофраста, Эпикура и др., так и работы современных философов, исследующих современное общество и проявление нарциссических тенденций в нем уже с точки зрения текущей эпохи: Г. Дебор, Ж. Липовецки, и др. В анализе феномена нарциссизма в экзистенциальных измерениях бытия мы опираемся на исследования Н. Хамитова и С. Крыловой.

Капіталістическе общество XX – XXI вв. формуєт нового человека. Человека, идушего, подобно Сизифу, на свою гору. Но что же катит к вершине славы и успешности современный человек? Самого себя. В мире рыночных отношений, на руинах модернистских идеалов, в постмодернисткой перекроенности полотна традиции, мифологии и достижений эпохи Модерна, все стало товаром, и сам человек не миновал этой участи. Он утратил свою историчность, свою причастность к происходящему в мире, векторное движение вперед к великой мечте, и обратился к самому себе. Но это не реализация знаменитого призыва времен Античности «Познай самого себя» [5, с. 43] – это новый постулат нового времени: «Создай самого себя». Создание глянцевого фасада личности, за которым только опытному глазу видна нарциссическая пустота, а затем – самолюбование и жажда восхищения, является мощной стратегией социализации, поощряемой современным обществом и подкрепляемой СМИ.

Метаантропология нарциссизма предлагает собственный взгляд на этот феномен с точки зрения различных его проявлений в экзистенциальных измерениях бытия. На основе динамики изменений личности, получающей опыт самотрансценденции, который подробно описывает в своих трудах Н.В. Хамитов, в данном направлении разрабатывается лечебная стратегия патологического нарциссизма.

Напомним, что нарциссизм в широком смысле – это самовлюбленность. В «Энциклопедии психоанализа» так же сказано, что «нарциссизм – любая форма любви к себе» [4, с. 288]. Опираясь на выводы Н.В. Хамитова, мы пришли к выводу, что в этом случае о подлинной любви речь не идет. Отношение нарцисса к себе самому скорее напоминает страсть, чем любовь. Страсть – это желание обладания, восхищение, она кратковременна и довольно слепа к истинной сущности объекта. В страсти Я растворяется в образе Другого, одновременно замыкаясь на переживании самого чувства здесь и сейчас. А любовь всегда предполагает единение с объектом, познание истинной его сущности, но при этом сохранение личностной автономии без растворения в Другом и без его идеализации, любовь открыта и устремлена в будущее. Любовь по отношению к страсти более реальна и продолжительна во времени. Страсть – это про «иметь», а любовь – про «быть». Быть с Другим.

Итак, определив понятие нарциссизма, рассмотрим его в рамках метаантропологической триады – обыденного, предельного и запредельного бытия человека.

Согласно концепции Н.В. Хамитова, обыденное бытие – одно из ключевых понятий метаантропологии, обозначающее «измерение человеческого бытия,

которое является результатом реализации воли к самосохранению и воли к продолжению рода. В результате обыденное бытие человека в метаантропологии трактуется как родовое и цивилизационное бытие» [6, с. 68].

Гармония обыденного бытия нарцисса заключается в том, что хрупкость собственной самооценки он компенсирует за счет получения восхищения от семьи, рода, социальной группы, тем самым, утверждая свою страсть к себе. Обезличенность обыденности рождает уникальную возможность для нарцисса находить зеркала для самолюбования в других людях и достигать главной цели – восхищения. В обыденном бытии реализуется весь спектр нарциссических проявлений – от грандиозности до обесценивания, однако, они, так или иначе, сдерживаются родом и происходят в рамках рода.

Такое бытие происходит в рамках дихотомии «желание – страдание», ограничивая существование нарцисса ее полюсами. От самого рождения человека ведут желания, которые, сталкиваясь с ограничениями этого мира, создают волю. Волю, как устремление к свободе. Волю как динамическую свободу – свободу в движении к цели. Волю, как свободу от желания. Но трагизм обыденного бытия состоит в том, что удовлетворяя одно желание, человек тут же устремляется навстречу следующему. Н. В. Хамитов в своей книге «Философия человека: от метафизики к метаантропологии» пишет: «Радость обладания новой вещью длится очень недолго. Она разбивается на множество осколков, и из каждого глядит жадное лицо еще одного желания» [8, с. 147].

В рамках обыденного бытия череда страдания и желания рождает скуку и обостряет одиночество. «Но одиночество как скука рано или поздно переходит в более глубокое и безысходное состояние – тоску» [8, с. 175], – пишет Н. Хамитов. Одиночество в безликой толпе становится «пограничной ситуацией» для нарцисса и дает шанс на выход в предельное бытие. Понятие «пограничной ситуации» ввел в экзистенциальную философию еще Карл Ясперс [10]. Под «пограничной ситуацией» он подразумевает глубочайшее потрясение, которое может вызвать столкновение со смертью, страданием, ужасом и др. Н. Хамитов определяет «пограничную ситуацию», как ситуацию, что «очерчивает кризисные состояния человека, приводящие к актуализации личностного начала [7, с. 274]». Философ пишет, что в пограничных ситуациях человек пересматривает смысл своей жизни, проживает обострение самосознания.

На наш взгляд, пограничная ситуация способна вывести нарциссическую личность в «бытие-на-пределе» [8, с. 172], дать опыт самотрансцендирования и

направити к актуалізації личности и осознанию нарциссизма и порожденного им одиночества.

В предельном бытии нарциссизм не исцеляется, а углубляется. Мы называем предельное бытие – «бытием Нарцисса», т.к. именно в отчаянии предельного существования отчетливо проступают все черты нарциссической личности. С разрушением пределов обыденности личность нарцисса устремляется к себе самому, приходя к еще более глубокому одиночеству: род более не может выполнять функцию зеркала для него. И этим зеркалом становится мир. «Это чувство одиночества и страха он компенсирует своим нарциссическим самовозвеличиванием. Если он есть мир, то не существует внешнего мира, который может внушить ему страх; если он есть все, то он уже не один» [7, с. 112].

Н.В. Хамитов пишет: «Повзрослев и удовлетворив свои желания, относительно социально значимых вещей, и выйдя за пределы среднего уровня потребления, человек не успокаивается и теперь желает сделать вещь другого человека, надеясь именно в этом получить полноту жизни, а не ее уровень, который дает обладание вещами. Но на пути овеществления человека и манипулирования им, в конце концов, рождается еще большее страдание. Это страдание власти, ломающее обыденность» [8, с. 337]. Ловушка заключается в том, что отчаяние, переживаемое личностью в предельном бытии, обостряет в нем волю к власти, которая может заставить его остаться в этом экзистенциальном измерении. И более того, вывести в «беспредельное измерение бытия человека» (термин Н. Хамитова), где власть над другими расширяется до масштабов страны и нации, и устремляется к абсолютной власти над миром. Это – крайняя и высшая точка нарциссизма, это – нарциссизм, ставший абсолютным. Нарцисс, устремляющийся к абсолютной власти над миром, меняет реальность под свои фантазии, убеждая в них целые нации. История знает множество примеров, которые иллюстрируют такой нарциссизм. Э. Фромм приводит в пример Гитлера, Сталина и других, говоря о них: «Они обладают абсолютной властью; им принадлежит последнее слово, включая жизнь и смерть» [7, с. 114]. Для удержания власти таких масштабов у нарцисса появляется еще одна воля – воля к власти над собой. В данном случае она выступает лишь инструментом на пути к абсолютной власти. Но преодоление трагического отчаяния предельного бытия как раз лежит в этой воле. Если вся воля сконцентрируется на власти над собой, то это станет «шагом по пути просветления воли к власти» [9, с. 397]. Однако, нарцисс, со своей склонностью к самовозвеличиванию, может прийти к абсолютной власти над собой, что погрузит его, по выражению Н.В. Хамитова, в «одиночество

однонаправленности» [8, с. 398], в котором и без того холодный нарцисс окончательно потеряет остатки человечности. И здесь уже можно предположить, что у предельного бытия так же есть свои пределы, и исцеление от одиночества, рожденное предельным нарциссизмом лежит вне этого бытия.

Устремление нарциссической личности к восхищению в обыденном измерении было обусловлено потребностью в любви. Но неудовлетворенная потребность в предельном бытии нуждается в осознании. Мы предполагаем, что именно в предельном бытии перед нарциссом стоит задача постичь себя через инсайты, которые рождаются с помощью воли к познанию и творчеству – самой конструктивной воли в предельном существовании. Проживая инсайт, нарцисс получает опыт отстранения от самого себя, взгляда на себя извне, и, как следствие – развитие критического мышления.

Воля к власти над собой трансформируется в волю к могуществу, которая, выйдя за пределы воли к власти, становится волей ко всемогуществу.

Н. Хамитов различает понятия «власть» и «могущество», говоря о последнем, как об истинной власти, которая отнимается только самой жизнью, и о власти, как о том, что может быть отнято кем-либо в любой момент.

Воля ко всемогуществу – это воля, ведущая человека к целостности. По определению С.А. Крыловой, автора концепции цельности, целеустремленности и целостности человеческого бытия, целостность – это «категория философской антропологии, выражающая единство сущности и существования человека, цельности и целеустремленности его бытия, гармонию личности и мира» [2, с. 394]. Воля ко всемогуществу трансформируется в волю к самосовершенствованию и совершенствованию мира и становится волей к вдохновению, т.е. волей к познанию и творчеству [8, с. 406]. Нарцисс, ставший на путь познания и движимый волей к познанию и творчеству, становится на путь к целостности и познает истинную любовь к себе. Пройдя через отчаяние и ужас предельного бытия, нарцисс набирается смелости и открывает в себе ту часть, которую всегда отрицал, ту, вместо которой он создал столь грандиозный фасад личности. Именно в этот момент и именно из-за этого у него возникает реакция гнева, описанного у Н.В.Хамитова так: «Это напоминает рождение новой Вселенной. Взрыв – и расплавленная масса отчаяния становится космосом из множества звезд. Но взрыв превращает хаос в космос, если он не является лишь взрывом. Вызванный отчаянием, взрыв гнева способен творить новый космос лишь тогда, когда человек проникает в причину гнева: гневающийся на кого-то, в конце концов, гневается на самого себя» [8, с. 183]. Такой осмысленный гнев способен вывести человека за рамки предельного бытия и направить личность к любви. Гнев следует здесь отличать

от ярости обыденности, где ярость – это лишь аффект, направляемый вовне и не приводящий к трансформации, а гнев – это обоюдоострый экзистенциал, направленный и вовне, и вовнутрь. Гнев трансформирует потребность в любви – в волю к любви, и устремляет человека в запредельное измерение бытия, где и происходит окончательное исцеление от нарциссизма.

Согласно метаантропологии, в обыденном бытии нарцисс пребывает в дихотомии «страдание – желание», он движим поиском восхищения, проецируя себя на семью и род. Тоска, в которую преобразуется скука, бросает нарцисса в пограничную ситуацию переживания одиночества и создает условия для выхода за пределы обыденности. В предельном бытии нарциссизм углубляется, нарцисс выходит за пределы семьи и рода, движимый волей к власти над другими. Нарциссическая личность в предельном бытии может пойти тремя путями. Первый – обусловлен трансформацией воли к власти – в волю к власти над миром, что выводит личность в беспредельное измерение и доводит нарциссизм до абсолютизма. Второй путь лежит через трансформацию воли к власти в волю к абсолютной власти над собой, что в своем крайнем проявлении приводит, по выражению Н.В. Хамитова, к «одиночеству однонаправленности», в котором и без того холодный нарцисс окончательно потеряет остатки человечности. И третий путь – это путь от воли к власти к воле ко вдохновению, который лежит для нарциссической личности через инсайт и опыт самоотстранения, гнев, в котором рождается воля к любви, и постижение любви к себе. На этой почве становится возможным выход из предельного бытия – в запредельное, где нарцисс, движимый волей к любви, обретает Другого и получает исцеление.

Список литературы:

1. Глазунов О.Н. Государственный переворот. Стратегия и технологии / О. Н. Глазунов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2006. – 448 с.
2. Крилова С. А. Категорії «краса» та «цілісність» у контексті людського буття [Електронний ресурс] / С. А. Крилова // Вісник Національного авіаційного університету. Сер. : Філософія. Культурологія. – 2011. – № 2. – С. 30-34. – Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Vnau_f_2011_2_8
3. Липовецки Ж. Эра пустоты: эссе о современном индивидуализме Текст. / Ж. Липовецки. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – 331 с.
4. Психоанализ. Популярная энциклопедия / Сост., науч. Ред. П.С. Гуревич. – М.: Олимп; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. – 592 с.
5. Таранов П. С. Энциклопедия высокого ума / П. С. Таранов. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000. – 592 с.

6. Философская антропология: словарь / Под ред. Н. Хамитова. – 3-е издание. – К.: КНТ, 2016. – 472 с.
7. Фромм Э. Душа человека, ее способность к добру и злу / Э. Фромм; Пер. с нем. В. Закса. – М.: АСТ, Апрель 2010. – 251 с.
8. Хамитов Н. Философия человека: от метафизики к метаантропологии / Н. Хамитов. – К., Ника-центр, М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. – 336 с.
9. Хамитов Н.В. Одиночество женское и мужское: Опыт вживания в проблему. – 3-е изд., доп. и перераб. / Н.В. Хамитов. – М.: ООО Издательство АСТ; Харьков: Торсинг, 2004. – 444 с.
10. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс; Пер. с нем. 2-е изд. – М.: Республика, 1994. – 527 с.

ЛИЗУН Галина Сергіївна,
студентка магістерської програми
«Філософська антропология та психоаналіз»
кафедри філософської антропологии
Факультету філософської освіти і науки
НПУ імені М.П. Драгоманова

ФЕНОМЕН ЖОРСТОКОСТІ В БУТТІ ЧОЛОВІКА ТА ЖІНКИ: ПІДХОДИ ДО ОСМИСЛЕННЯ

У своєму житті кожен з нас так чи інакше стикається з жорстокістю. Даний феномен обурює та лякає навіть дослідників. На сучасному етапі розвитку психологічної науки виникла величезна кількість теорій, експериментальних підходів, які так і не дійшли до єдиної думки в розумінні явища жорстокості. Ми зустрічаємося з різним трактуванням проблеми жорстокості в рамках філософії, психології, культурології, етнографії.

Жорстокість найчастіше визначають як насильство, байдужість, знущання, патологію, агресію, спрямовану на слабких, приниження інших, задоволення від заподіяння болю. Теоретичний аналіз філософського осмислення жорстокості привів нас до того, що в процесі історичного розвитку відсутні строго визначені, загальноприйняті погляди на це питання.

Метою статті є аналіз філософсько-теоретичних підходів до проблеми розуміння жорстокості та особливостей її прояву у чоловіків та жінок.